

Раздел II. Судебная практика в свете конституционализации российской правовой системы

Глава 7. Конституционное правосудие как институт обеспечения прямого действия Конституции Российской Федерации

Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян

Конституционный Суд РФ в системе разделения властей: единство судебно-юрисдикционных и нормативно-преобразовательных начал. Создание в нашей стране Конституционного Суда РФ как специализированного органа конституционного контроля характеризует процесс реального утверждения судебной власти в качестве самостоятельной и независимой, равновеликой с иными ветвями власти, и одновременно определяет правовое качество ее функционирования. Конституционно-судебный контроль является одной из важнейших гарантий осуществления правосудия, отвечающего принципам равенства и справедливости, институциональным средством обеспечения с помощью присущего ему уникального инструментария единообразного конституционно-правового понимания и применения норм и поддержания на этой основе единства судебной практики.

Вместе с тем, определяя значение конституционного правосудия в условиях современной государственности, нужно учитывать, что деятельность Суда и его решения оказывают все более существенное влияние на все стороны правовой жизни. Это обеспечивается не только через непосредственное участие конституционного правосудия в формировании и корректировке конституционной практики, но также посредством: а) формирования и развития с его помощью конституционно-правовой доктрины российской государственности; б) реализации целей по правовой охране Конституции РФ и конституционной охране правовой системы в целом; в) правовоспитательного, идеологического воздействия на правосознание общества путем отстаивания высшего авторитета Конституции РФ и укрепления доверия к ней как реально действующему праву.

Ценность конституционного правосудия, его активное и комплексное влияние на правовую жизнь, особенно на ее практическую

составляющую, получает подтверждение в своей основе в прямом действии Конституции РФ, которое в режиме верховенства подразумевает, что никакой закон или иной правовой акт не должны противоречить Основному закону, а акты (их отдельные положения), признанные неконституционными, утрачивают силу без дополнительных условий (ч. 1 ст. 15, ч. 5 ст. 125 Конституции РФ). Обеспечение прямого действия и верховенства Конституции образует в силу ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» основную цель деятельности Конституционного Суда РФ, которой определяются все его полномочия.

Прямое действие Конституции РФ, являясь своего рода высшим проявлением правоприменительной практики, предполагает ее юридическую самоценность как непосредственного регулятора общественных отношений и необусловленность наличием детализации конституционных норм в текущем законодательстве, а в конечном счете — гарантирование соответствия всех элементов правовой системы заложенным в Конституции идеям, ценностям, принципам современного конституционализма. В прямом действии Конституции отражается ее значение первичного (исходного) и универсального правового источника, генеральной предпосылки и общей меры (эталоны) всех правовых норм, действий, отношений, понимание Конституции как ценностно-нормативного и духовно-нравственного ядра национального правопорядка. Вместе с тем самоценность Конституции не тождественна ее самоисполнимости, и прямое действие Конституции РФ нуждается в гарантировании как на правотворческом, так и на правоприменительном уровне. Основная, определяющая роль в решении этих задач отводится институтам судебной власти.

Участие судов в решении конституционно значимых вопросов имеет объективный характер, обусловлено признанием судебной власти в качестве одной из основ конституционного строя (ст. 10, ч. 1 ст. 11 в нормативном единстве с ч. 2 ст. 15 Конституции РФ), а права на судебную защиту — как абсолютного, не подлежащего каким-либо ограничениям (ст. 46 Конституции РФ). Позиция судьи в первую очередь должна восходить к Конституции РФ (ч. 1 ст. 120), что соотносится и с приоритетной конституционной функцией судебной власти — обеспечивать права и свободы человека и гражданина в качестве непосредственно действующих (ст. 18 Конституции РФ). Как подчеркивал в свое время, когда об органе конституционного правосудия в отечественной правовой системе можно было только мечтать, А. Б. Венгеров, перспективный путь повышения роли судебных учреждений в охране основных прав и свобод лежит в области успешно-

го теоретического и практического решения проблемы непосредственного судебного применения конституционных норм¹.

Судебное обеспечение прямого действия Конституции реализуется всеми видами юрисдикции. Следует учитывать, что не только в странах общего права, но и в романо-германской (континентальной) системе права судебная власть формирует, в частности, прецедентное понимание смысла правового регулирования общественных отношений в рамках подведомственных судам категорий дел и тем самым как бы осуществляет его детализацию, выявляет, обосновывает, конкретизирует имеющие по сути конституционное значение общие начала (принципы) законодательства, устраняет из правовой системы не соответствующие требованиям закона и в конечном счете неконституционные нормативные акты с учетом разграничения полномочий между судами различных видов юрисдикций. В судебной практике, как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению нормативных положений², а восполнение пробелов в законодательном регулировании (как и правоприменение в целом) согласно его правовой позиции требует от судов учета нормативного единства российского права, в системе которого Конституция РФ имеет высшую юридическую силу и прямое действие³. Это коррелирует с положениями ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации»⁴, из которых следует, что суд, выявив дефект иерархической субординации правовых актов, принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу, т. е. в итоге на основе Конституции РФ.

Непосредственное применение судами конституционных норм естественным образом связано с реализацией конституционного контроля, предполагающего выяснение соответствия правового акта Конституции и определение его правовой судьбы, что само по себе также является результатом прямого действия Конституции. Особое значение конституционного правосудия в этих процессах емко и об-

¹ См.: Венгеров А. Б. Конституционный контроль в СССР // Правоведение. 1970. № 3. С. 32.

² См., например, абз. 4 п. 3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П; абз. 1 п. 3.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П; абз. 1 п. 3.5 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П; абз. 2 п. 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 12 марта 2015 г. № 4-П.

³ См. абз. 3 п. 3 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 18 сентября 2014 г. № 1828-О.

⁴ СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

разно выразил основоположник континентальной модели конституционного нормоконтроля Г. Кельзен: «...конституция, которая не наделяет конституционный суд правом отменять неконституционные нормы, — это свет, который не сияет»¹. Вполне созвучны с этим положения Генерального доклада XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3—6 июня 2008 г.): «Конституция становится *lex perfecta* только тогда, когда конституционный суд может признавать обычные законы противоречащими конституции... Только активная позиция конституционного суда обеспечивает реальную, а не предполагаемую имплементацию принципа верховенства конституции... Роль конституционного суда при обеспечении принципа верховенства конституции является основополагающей. Через конституционный контроль конституция как правовой акт превращается в “живое” право»².

В этом плане становится возможным рассматривать образование Конституционного Суда РФ в качестве одной из важнейших предпосылок утверждения в России реального, а не мнимого конституционализма, гарантирования соотносимости фактической и юридической конституции. *При решающем воздействии конституционного правосудия принципиально изменяется само качество правовой системы, происходит формирование судебного конституционализма как особого политико-правового режима судебного обеспечения верховенства Конституции, ее судебно-правовой защиты как акта прямого действия, гарантирующего сбалансированную реализацию фундаментальных ценностей и интересов общества в демократическом правовом государстве*³. С этой точки зрения может представлять интерес гипотеза о том, что суд не только воплощает в своей деятельности верховенство права и Конституции, но и является в известном смысле их творцом, и само верховенство права выступает как «сообщество судебных доктрин»⁴.

Уяснение этих закономерностей в развитии современного конституционализма связано с выяснением статусных и функционально-правовых особенностей Конституционного Суда РФ в системе разделения властей, включая его соотношение с судебной властью. Именно с решением этого вопроса связаны все актуальные проблемы конституционного контроля — фундаментальные, теоретические, практиче-

¹ См.: *Kelsen H.* Wesen und Entwicklung der Staatsgerichtsbarkeit // Veröffentlichungen der Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer. 1929. Н. 5. S. 56.

² Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2008. Вып. 2—3. С. 110—111.

³ Развернутое обоснование авторской концепции судебного конституционализма см.: *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд. М., 2015.

⁴ См.: *Гаджиев Г. А.* О судебной доктрине верховенства права // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4 (95). С. 12.

ски-прикладные, включая вопросы о юридической природе актов конституционного правосудия как итоговой правовой формы конституционно-контрольной деятельности, степени их обязательности для иных судебных органов, а также для органов законодательной и исполнительной власти, о соотношении актов национального конституционного нормоконтроля с актами межнациональной, в частности европейской конвенционной, юрисдикции.

В юридической науке (не только Российской Федерации) сформировались различные, иногда полярные взгляды: от признания Конституционного Суда РФ исключительно в качестве одного из органов судебной власти, разрешающего споры о праве (конституционном) в порядке только правоприменительной деятельности, до обоснования особого характера данного института — как носителя самостоятельной контрольной либо даже законодательной власти. Очевидно, однако, что при всем разнообразии возможных подходов к определению природы, характера и предназначения конституционного правосудия в основе анализа и оценки места этих органов в системе разделения властей любого государства лежит определение их статусных характеристик, прежде всего в аспекте их взаимоотношений с судебной властью, с одной стороны, и законодательной — с другой. С этим же связано и решение вопроса о том, является ли этот Суд полноценным судебным органом или, как некоторые полагают, чем-то иным, не вполне доросшим до суда, «квазисудом».

Констатируя множественность теоретических конструкций конституционного нормоконтроля и конкретных моделей его институционализации в системе современного конституционализма¹, необходимо принимать во внимание, что выявление статусных характеристик конституционного правосудия не может быть умозрительно-абстрактным, а предполагает учет объективно существующих национально-конституционных реалий. В связи с этим вряд ли есть основания сомневаться, что в условиях российского конституционного правопорядка Конституционный Суд РФ — это орган государственной власти, безусловно относящийся к судебной ветви власти, ее непосредственный носитель.

Соответствующий статус Суда получил прямое закрепление в Конституции РФ, которая: а) предусматривает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом (ч. 1 ст. 118), одним из которых прямо назван Конституционный Суд; б) содержит широ-

¹ См., например: *Клишас А. А.* Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование. 2-е изд. М., 2015; *Конституционный контроль в зарубежных странах / отв. ред. В. В. Маклаков.* 2-е изд. М., 2010; *Нуриев Г. Х.* Европейская модель конституционного судопроизводства. М., 2016.

кую регламентацию правового статуса Конституционного Суда РФ в специальной главе, посвященной главным образом судебной власти (гл. 7); в) выделяет конституционное судопроизводство в качестве самостоятельной формы осуществления судебной власти наряду с гражданским, административным и уголовным судопроизводством (ч. 2 ст. 118), причем конституционное судопроизводство названо первым, что призвано подчеркнуть особое место Конституционного Суда РФ в системе судебной власти как высшего судебного органа конституционного контроля в России.

Специфика Конституционного Суда РФ в том, что это *суд права и суд над властью*. Конституционно-судебные органы являются своего рода «высшей метрологической инстанцией, хранящей конституционные эталоны»¹, которые они отыскивают на стыке позитивного и естественного права, буквы и духа Конституции и в соответствии с которыми обеспечивают оценку результатов государственно-властной деятельности, выражающейся в нормотворчестве либо в судебном и ином правоприменении, если оно искажает конституционный смысл проверяемых актов.

В частности, в тех случаях, когда в судебной практике допускается приращение законоположениям нормативного смысла, влекущего нарушение реализуемых на их основе конституционных прав, возникает вопрос о соответствии этих законоположений Конституции, который подлежит решению Конституционным Судом РФ². И хотя собственно акты толкования закона, например постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащие разъяснения по вопросам судебной практики, не могут выступать самостоятельным предметом конституционно-судебной проверки, они подлежат учету при принятии Конституционным Судом РФ решения по делу о проверке конституционности норм закона, в отношении которого дано соответствующее разъяснение³. Наряду с нормоконтрольной деятельностью другим направлением реализации полномочий Конституционного Суда РФ как суда над властью является разрешение споров о компетенции между: а) федеральными органами государственной власти; б) федеральными и региональными органами государственной власти; в) высшими органами государственной власти субъектов РФ (ч. 3 ст. 125 Конституции РФ).

¹ Кокотов А. Н. О прямом действии Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1513.

² См., например, абз. 1 п. 4.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П; абз. 2 п. 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 12 марта 2015 г. № 4-П.

³ См. абз. 4 п. 2.1 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1071-О.

Безусловные существенные особенности юридической природы Конституционного Суда РФ как «судебного органа конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющего судебную власть посредством конституционного судопроизводства» (ст. 1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») свидетельствуют, что *Конституционный Суд РФ*, являющийся органом судебной власти, одновременно *больше, чем суд*.

Данное обстоятельство, правда, отнюдь не упрощает его положение в системе разделения властей, включая взаимоотношения с другими судами России, а, напротив, существенным образом актуализирует проблемы, связанные с обеспечением их эффективного взаимодействия.

По самой природе, сущностным характеристикам и результатам деятельности статус Конституционного Суда РФ не исчерпывается юрисдикционным правоприменением, а имеет значительно более сложный характер. Получая институционное оформление прежде всего как правоприменительный юрисдикционный орган, конституционное правосудие — и это становится все более очевидным для отечественной юриспруденции — в своих итоговых правовых характеристиках сближается с нормативно-установительной юридической практикой, с правотворчеством. В этом плане Конституционный Суд РФ действительно обладает «квазихарактеристиками», но не «квзисуда», а *квазиправотворческого органа*, что при этом не лишает его статусных качеств полноценного судебного органа.

Главным контраргументом тезиса о правотворческом потенциале конституционного правосудия является выраженная Г. Кельзенем нормативистская в своей основе позиция, согласно которой конституционный суд, будучи «стражем конституции», не может участвовать в создании норм права, а его решения хотя и ставятся на уровень закона (в смысле возможности его отмены) и выражают, как и закон, определенную политическую волю, все же являются по сути разновидностью правоприменительных актов. Иными словами, суду отводится роль глашатая законодателя (ординарного или конституционного), а тенденция перехода власти в суд рассматривается как отступление от традиции применения принципа Ш.-Л. Монтескье.

Между тем следует учитывать, что принцип разделения властей, не будучи самоцелью, является содержательной характеристикой концепции конституционализма, призван служить достижению верховенства права и Конституции. Толкование этого принципа и его институциональные воплощения должны соотноситься с необходимостью достижения в конкретных условиях максимального уровня

гарантирования незыблемости конституционных ценностей, последовательной и наиболее полной реализации Конституции на данном этапе развития общества и государства. Конституционно-судебная нуллификация неконституционного закона, тождественная конституционно-нормативному запрету подобной (аналогичной) модели правового регулирования, равно как по принципу *a fortiori* преодоление конституционной дефектности закона средствами нормативно значимого толкования, не отступает от принципа разделения властей, а обеспечивает функционирование этого принципа в конституционных рамках. Выступая институциональным средством ограничения произвола законодателя, конституционное правосудие вместе с тем ориентировано на взаимодействие с парламентом, носящее конструктивный, партнерский характер, вследствие чего осуществление конституционно-судебного нормотворчества следует рассматривать как один из аспектов такого рода взаимоуважительных отношений, подразумевающих презумпцию конституционной добросовестности законодателя при реализации своих прерогатив¹.

Разделение властей в любом случае не отвергает естественное для любого правопорядка осуществление органами публичной власти независимо от функциональной принадлежности определенных правотворческих полномочий, производных от их основных задач, притом что это не сопряжено с вторжением в исключительную компетенцию иных публично-властных органов. Конституционный Суд РФ исходит из того, что свойство нормативности должно определяться на основе прежде всего содержательных характеристик (оказывает ли правовой акт общерегулирующее воздействие на общественные отношения, содержатся ли в нем предписания о правах и обязанностях персонально не определенного круга лиц, рассчитан ли он на многократное применение), и поэтому интерпретационные, разъяснительные правовые акты тоже могут иметь нормативное значение².

Если обратиться к соотношению принципа разделения властей с судебским активизмом, то следует признать, что исключение для суда

¹ Поэтому, отмечает Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, Суд почти никогда не признает законодательные нормы полностью неконституционными, обычно делает оговорки: «в той мере, в какой...» и т. п., а нередко и вовсе ограничивается лишь выявлением конституционного смысла нормы, с тем чтобы снять ее неоднозначное истолкование на практике. Тем самым Суд стремится поддерживать авторитет законодателя, видит свою задачу в совместной согласованной работе по совершенствованию действующего законодательства. См.: Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 1.

² См. п. 4.1—4.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П.

возможности формулировать на основе правовых принципов и системы законодательства собственные представления о должном в качестве общего правила, которым суд связывает и себя (в том числе на будущее время), и участников соответствующих правоотношений — во всяком случае применительно к решению так называемых трудных дел, когда юридически обоснованы различные варианты решения либо закон «молчит», — являлось бы преградой на пути достижения целей правосудия и влекло отказ в судебной защите.

Конечно, роль Конституционного Суда РФ в правотворчестве весьма специфична, что объясняется его сугубо инцидентным и юрисдикционно-мотивированным характером, который не предполагает дискреционного определения целесообразных правовых моделей поведения. Но это вовсе не означает, что конституционно-судебное правотворчество является вторичным, производным, тем более второстепенным. Оно служит источником фиксации правоположений, выведенных из нормативных величин наиболее абстрактного уровня — общих принципов права, конституционных ценностей и принципов, опосредованных Конституцией и получающих реализацию во всех отраслях системы действующего права; соответствующие конституционно-судебные установления общего характера непосредственно и оригинально определяют содержательные и процедурные основания и рамки законодательной и иных видов юридической деятельности.

При этом конституционно-судебное правотворчество вопреки бытующему мнению не противопоставлено народному представительству. Конституционно-правовой статус Конституционного Суда РФ, определяемый единством конституционно-контрольных и судебно-юрисдикционных начал, вместе с тем на более глубоком уровне выражает сочетание в природе Конституционного Суда РФ характеристик органа государственной власти и одновременно органа демократического контроля народа за соблюдением его суверенных прав и учредительной, конституирующей воли. В этом плане конституционное правосудие выступает как особая, дискурсивно-юрисдикционная форма публичного представительства, обеспечивающего выражение и отстаивание конституционных интересов народа¹.

На том основании, что конституционное правосудие предполагает прежде всего применение конституционных норм, их истолкование,

¹ Концептуальные подходы к соотношению конституционного контроля и представительства, их взаимовлиянию, переплетению см.: *Джагарян Н. В.* Конституционное правосудие как фактор формирования и развития конституционно-правовой концепции представительной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 2; *Шабо А.* Высшие суды как представители, или Представительство без представителей // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 6 (97).

в том числе в системных взаимосвязях с проверяемыми и иными нормами отраслевого законодательства, некоторые авторы делают вывод о том, что Конституционный Суд РФ выступает лишь в роли блюстителя конституционной чистоты правовой системы и его решения могут рассматриваться лишь с точки зрения доктринального, но не нормативного значения. Однако деятельность Суда не только играет значительную роль в развитии конституционно-правовой науки и формировании так называемых прецедентов толкования, где еще нет «обязательности применения», но и носит особый нормативно-прецедентный характер¹, связанный с развитием современного российского конституционализма, Конституции и конституционного законодательства, а посредством этого и отраслевого законодательства, обеспечивает конституционализацию всей правовой системы и является фактором правового прогресса общества².

Признавая ту или иную норму неконституционной, Суд лишает ее юридической силы (ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), т. е. отменяет. Уже в этом проявляются свойства нормативности конституционно-судебного воздействия в его негативном смысле. В то же время правотворческий потенциал конституционного правосудия не исчерпывается юридической фильтрацией законодательно-нормативного массива по критерию конституционности (функция так называемого негативного законодателя).

Прямое действие Конституции логически подразумевает признание за ней качества постоянно эволюционирующего акта, способного адекватно отвечать на изменяющиеся общественные запросы, служить эффективной основой организации и мерой оценки правовой реальности. Конституционный Суд РФ как орган конституционно-судебного контроля, с одной стороны, осуществляет выявление и конкретизацию имплицитного содержания Конституции, скрытого под покровом собственно ее текста, способствует постепенному пре-

¹ Обоснование понятия «прецедент толкования» в его соотношении с понятием судебного прецедента, связанного не с разъяснением существующей нормы права, выработкой устоявшегося положения о применении нормы права по аналогичным делам, а с созданием судами новой нормы права, см.: *Братусь С. Н., Венгеров А. Б.* Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. С. 58.

² В этом плане примечательной является высказанная профессором В. В. Лазаревым оценка деятельности Конституционного Суда РФ как носящей ярко выраженный инновационный характер, с помощью которой обеспечивается инновационное развитие не только собственно тех областей правового регулирования, которые попадают в предметную сферу конституционно-судебного контроля, но и самих по себе конституционных норм и институтов, принципов, целей. См.: *Лазарев В. В.* Инновационная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации как разновидность практики конституционализма // Судья. 2013. № 12.

образованию Конституции на основе углубления и развития ее ценностно-нормативного потенциала под влиянием социально-политических, экономических и иных обстоятельств. Осуществляемая в процессе конституционного судопроизводства казуальная интерпретация положений Конституции, на которых оно основано, по своей силе превышает любую их интерпретацию любым другим органом¹.

С другой стороны, в рамках конституционного правосудия достигается выведение конституционно-правового смысла норм текущего законодательства и, следовательно, раскрытие воплощенных в соответствующих нормативных положениях конституционных ценностей и целей развития российского государства и общества. Происходит конституционная «рихтовка» норм отраслевого законодательства (как, впрочем, и сложившейся правоприменительной практики) с целью доведения его до уровня требований конституционных принципов и ценностей без вторжения в букву закона. Возможность выявления Конституционным Судом РФ конституционно-правового смысла проверяемой нормы обосновывается самим Судом именно через верховенство и прямое действие Конституции в качестве необходимого аспекта его основных полномочий: «Конституционный Суд не может быть лишен возможности устанавливать конституционный режим применения нормы... чтобы исключить неконституционное истолкование этой нормы в правоприменении»², и по своим правовым последствиям это «сопоставимо с изменением правовой регламентации отношений, относящихся к предмету регулирования данной нормы»³. Реализуемое таким образом конституционно-правовое истолкование закона означает по существу определение содержательно-смыслового наполнения нормы, релевантного конституционно-правовой системе, а Конституционный Суд РФ, реализуя такие полномочия, напрямую входит в нормотворческий процесс.

Все это лежит в основе конституционно-судебного преобразования и новеллизации конституционного регулирования в развивающемся социально-нормативном контексте. Выявляя конституционные модели организации тех или иных сфер общественных отношений, пробелы и дефекты в правовом регулировании и одновременно тенденции развития конституционных отношений, Конституционный Суд РФ определяет конституционную стратегию (концепцию)

¹ См. абз. 1 п. 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2012 г. № 25-П.

² См. абз. 4 п. 3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 7 ноября 2012 г. № 24-П.

³ См. абз. 1 п. 4.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 18 сентября 2014 г. № 23-П.

совершенствования законодательства. В связи с этим очевидно вовлечение конституционного правосудия в формирование и реализацию правовой политики, а поэтому вполне естественна постановка вопроса о том, не ведет ли это к политизации конституционного правосудия, реализации с его помощью политических задач в обход буквы Конституции.

При поиске ответа на эти вопросы следует учитывать, с одной стороны, возможность произвольного, не основанного на Конституции и законе вторжения политики в сферу конституционного правосудия, а с другой — законодательно очерченные компетенционные возможности решения политически значимых вопросов с помощью института конституционного правосудия. Нельзя не учитывать, что конституционно-судебный нормоконтроль является по своей природе одной из форм государственно-властного (конституционного) воздействия на те общественные отношения, которые прямо соотносятся с наиболее важными вопросами политической жизни общества и государства. При этом сама практика конституционного нормоконтроля позволяет сформулировать своего рода конституционно-правовую максиму: *дух Конституции должен служить не политизации конституционных институтов, а конституционализации политики*¹.

Конституционный Суд РФ решает в силу ч. 3 ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» исключительно вопросы права и потому, в частности, «воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств» (ч. 4 ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), включая, естественно, обстоятельства реальной политической жизни. Однако логика конституционного правосудия такова, что оно не может оставаться в стороне от решения конституционно значимых вопросов политики как реального отражения государственно-правовой и социальной действительности. Речь идет о том, что «защита Конституции в отрыве от реальной государственности, обусловленной сотнями причин, от общественной ситуации — это нонсенс», поскольку право «есть исторически выверяемый баланс между идеалом и реальностью, должным и возможным»². В этом плане следует признать, что и сама конституционно-судебная деятельность, в том числе в виде интерпретации основных прав и конституционных принципов, представляет собой нечто большее, чем нормоконтроль или толкование, это особая когнитивная деятельность, направленная на познание конституцион-

¹ См. подробнее: *Бондарь Н. С.* Конституционное правосудие и политика: попытка конституционного анализа без политизации // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1.

² *Зорькин В. Д.* Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 12.

ной нормативности в ее сложном культурно-социологическом контексте и выходящая в реальности на уровень конституционной политики¹.

Таким образом, Конституционный Суд РФ, реализуя возложенные на него полномочия: а) дает государственно-правовую оценку и обеспечивает юридическое закрепление происходящих политических изменений, имеющих по своей сути конституционное значение; б) обеспечивает баланс коллизионных ценностей и политических интересов; в) определяет конституционные основания и пределы усмотрения законодателя при принятии тех или иных решений, совершенствовании законодательства на основе актов Конституционного Суда РФ; г) оказывает непосредственное влияние на формирование и реализацию конституционных начал политики государства в области социального, экономического, экологического, национального и иного развития Российской Федерации, поскольку это касается защиты конституционных ценностей, принципов, норм Конституции в соответствии с высшими, в том числе политическими, интересами общества и государства, человека и гражданина.

Что касается запрета решать политические вопросы, то это в данном случае означает, что принимаемое Судом решение должно основываться исключительно на требованиях Конституции, юридической (а не абстрактно-социальной) справедливости и конституционной (но не политической) целесообразности. Если же политические интересы соответствуют требованиям Конституции, вытекают из ее принципов и ценностных начал, Суд посредством своих решений объективно становится как бы проводником этого «политического», а фактически конституционно-правового вектора развития. Пределы же преобразовательной деятельности конституционного правосудия определяются критериями достоверности (в том числе научно-верифицируемого характера) судебной-правовой интерпретации нормы права и вместе с тем требованиями обеспечения защиты основ конституционного строя, прав человека и гражданина, что и составляет основное назначение конституционного правосудия.

Но и будучи вовлеченным в конституционный механизм государственного правообразования, Конституционный Суд РФ не утрачивает качеств судебного органа, обеспечивая, как правило (а в рамках конкретного нормоконтроля — всегда!), защиту и восстановление нарушенных прав граждан. Суд исходит из того, что конституционно-правовое истолкование проверяемой нормы востребовано, если: а) это позволяет устранить неопределенность в вопросе о конституционности оспариваемых законоположений; б) права соответствующи-

¹ См.: Гаджиев Г. А. Право и экономика (методология). М., 2016. С. 171.

ших лиц могут быть обеспечены без того, чтобы ставить под сомнение действительность нормы, через ее применение во взаимосвязи с положениями Конституции, определяющими фундаментальные принципы данных правоотношений¹. Конституционно-судебная практика идет по пути распространения на такие случаи общего правила ч. 3 ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», диктующего пересмотр конкретного дела заявителя, решенного на основе применения нормы вопреки ее конституционно-правовому смыслу².

Родовая принадлежность Конституционного Суда РФ к судебной власти акцентирована не только его правозащитной функцией, но и наличием тесных институционально-процессуальных взаимосвязей с иными элементами судебной системы. В условиях действующего законодательства это обусловлено как коренящимися в судебной практике основными предпосылками возбуждения конституционного судопроизводства, так и обратным активно генерирующим, преобразовательным воздействием Конституционного Суда РФ на судебную практику. Непосредственно Конституцией РФ право на обращение с запросом в Конституционный Суд РФ в порядке конкретного нормоконтроля предоставлено всем судам (ч. 4 ст. 125), а Верховный Суд РФ обладает и правом абстрактного (вне связи с конкретным делом) конституционного запроса (ч. 2 ст. 125). Вместе с тем проведенная в конце 2010 г. реформа конституционного судопроизводства³ дает основания говорить о повышении уровня взаимодействия между Конституционным Судом РФ и судами иных юрисдикций. Законодатель связал допустимость конституционной жалобы гражданина с применением закона в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде (п. 2 ст. 97); закрепил требование обязательности учета правоприменительными органами позиции Конституционного Суда РФ относительно того, соответствует ли Конституции РФ смысл нормативного правового акта, придаваемый ему правоприменительной практикой (ч. 5 ст. 79); ввел механизм письменного производства (ст. 47¹), призванный обеспечить более эффективное конституционно-судебное реагирование на проявляющиеся в правоприменительной практике неадекватные подходы к реализации ранее выработанных правовых позиций Конституционного Суда РФ. Тем самым подчеркивается одновременно как основ-

¹ См., например, абз. 4 п. 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2012 г. № 29-П.

² См., например, постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П, от 17 февраля 2015 г. № 2-П, от 16 июня 2015 г. № 15-П, от 13 октября 2015 г. № 26-П.

³ См.: Федеральный конституционный закон от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 45. Ст. 5742.

ное значение в механизме судебного гарантирования нарушенных прав судов ординарной юрисдикции, самостоятельно решающих вопрос о выборе подлежащих применению норм в их казуальной конституционной интерпретации, притом с учетом разъяснительных актов Верховного Суда РФ (ст. 126 Конституции РФ), так и роль Конституционного Суда РФ как адекватного средства разрешения вопросов, возникающих в связи с неконституционным истолкованием закона в правоприменительной практике. Только решения Конституционного Суда РФ служат официальными актами, выявляющими конституционно-правовой смысл закона, и поэтому суд любой инстанции, если он при рассмотрении конкретного дела придет к выводу о неконституционности подлежащего применению закона, в том числе с учетом его толкования Верховным Судом РФ, обязан обратиться с запросом в Конституционный Суд РФ¹.

Таким образом, именно специфическими характеристиками конституционно-судебных полномочий по судебному нормоконтролю, а не наличием или отсутствием у Конституционного Суда РФ правотворческих функций в их классическом проявлении определяется его роль в нормативном правовом пространстве государства и в системе судебной власти. Этот статус таков, что решения Конституционного Суда РФ, выраженные по итогам рассмотрения дела в постановлении или определении, обладают вполне конкретными свойствами нормативности и одновременно — правоприменительного акта судебного органа, играют особую роль в обеспечении прямого действия Конституции.

Конституционно-судебная практика как межотраслевой источник практической юриспруденции, воплощение прямого действия Конституции РФ. Атрибутивно-статусные свойства Конституционного Суда РФ как судебно-юрисдикционного и одновременно квазиправотворческого органа предопределяют особенности юридической природы его решений, их место и роль в сфере практической юриспруденции, связанной с правотворчеством и (или) правоприменением. Будучи основанными на непосредственном применении конституционных норм,

¹ См. абз. 5 п. 3.1 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П. При этом следует учитывать, что основанием для направления судом запроса в Конституционный Суд РФ является его убежденность в неконституционности подлежащих применению норм закона, аргументированная правовыми доводами, приведенными в процессуальном документе, принимаемом судом в установленной законом форме. Исходя из презумпции конституционности действующих законодательных норм, суд не вправе произвольно, немотивированно отказаться от применения в конкретном деле соответствующих положений закона, а обязан дать им оценку и, придя к выводу об их несоответствии Конституции РФ, привести в таком документе правовые аргументы в обоснование своей позиции. См. определение Конституционного Суда РФ от 8 июня 2004 г. № 217-О.

включая содержащиеся в них критерии юридической оценки проверяемых законоположений, решения Конституционного Суда РФ выступают формализованным итогом конституционно-судебного познания и интерпретации Конституции РФ применительно к релевантным рассматриваемому делу отношениям различной отраслевой принадлежности; в них получают непосредственное результирующее формализованное выражение осуществляемые этим Судом РФ конкретизация и интерпретационное развитие Конституции применительно к определенной системе правового регулирования, сложившейся на данном этапе.

Речь идет о том, что решения Конституционного Суда РФ по сути являются воплощением прямого действия Конституции РФ и могут быть охарактеризованы как *особый вид конституционно-судебных нормоустановлений*, которые превосходят по юридической силе любые иные правовые акты ниже уровня Конституции, а также: а) являются своего рода конституционным источником правовой системы; б) воплощают в себе единство нормативности и доктринальности, естественно-правовых и позитивистских начал; в) представляют собой источник (инструмент обеспечения) единообразия толковательной и правоприменительной практики норм и институтов всех отраслей права.

Понимание решений Конституционного Суда РФ как особого вида «конституционных источников правовой системы» с учетом того, что данное понятие не тождественно понятию «источники конституционного права», обусловлено реализацией в актах конституционного правосудия функционально-правового содержания Конституции, включая ее учредительную, системообразующую, общерегулятивную, идеологическую и иные функции.

Как конституционные источники правовой системы итоговые акты конституционного правосудия оказывают многоаспектное, многоуровневое воздействие на правовую жизнь общества, не ограничивающееся лишь сферой законодательства, и непосредственно участвуют в механизме формирования, институционализации, развития всей совокупности правовых явлений общества, в частности, обеспечивают системное нормативное единство российского права на основе прямого действия и верховенства Конституции, идентичность правовой системы ее принципиально-ценностным конституционным основаниям, надлежащее отраслевое структурирование правового регулирования (в том числе с точки зрения соблюдения общих принципов соответствующих отраслей права — публичного или частного, возможностей формирования комплексных нормативно-правовых конструкций, основанных на сочетании публично-правовых и частноправовых средств), межотраслевые интегративные, координационные, колли-

зионные взаимосвязи в рамках правовой системы, соотношение и согласованное функционирование национальных и наднациональных правовых источников и т. п.

Немаловажно и то, что акты конституционного правосудия служат *источниками источников права*: они не только оказывают существенное влияние, связанное с уточнением юридических характеристик сложившейся источниковой базы действующего права (например, это касалось закона о поправках к Конституции РФ¹; закона о бюджете — как федерального², так и регионального³; регламента Государственной Думы⁴; регламента Правительства РФ⁵; постановления Государственной Думы об объявлении амнистии⁶; конституций и уставов субъектов РФ⁷ и др.), но и служат нормативной основой для формирования новых источников права. Так, Суд в постановлениях от 5 февраля 2007 г. № 2-П⁸ и от 26 февраля 2010 г. № 4-П⁹ официально признал источником права решения ЕСПЧ, указав, что не только Конвенция о защите прав человека и основных свобод, но и решения ЕСПЧ в той части, в какой ими дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, являются составной частью российской правовой системы, должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм. В ряде решений Конституционного Суда РФ обоснован по сути прецедентный (нормативно значимый) характер актов высшего суда соответствующей юрисдикции, содержащих разъяснения по вопросам судебной практики и направленных на поддержание единообразия в толковании и применении судами норм права¹⁰.

Как конституционные источники правовой системы решения Конституционного Суда РФ могут быть охарактеризованы в триеди-

¹ См. постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 12-П.

² См. п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 9-П.

³ См. п. 3.1 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 421-О.

⁴ См., например, п. 13 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 20 июля 1999 г. № 12-П; п. 3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 8-П; п. 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П.

⁵ См. постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2006 г. № 9-П.

⁶ См. постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 11-П.

⁷ См. п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П.

⁸ СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

⁹ СЗ РФ. 2010. № 11. Ст. 1255.

¹⁰ См. постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П; определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 1745-О.

ном качестве: а) все они являются *источниками конституционного права*; б) одновременно могут быть *конституционно значимыми источниками отрасли права*, к которой принадлежат проверяемые в порядке конституционного нормоконтроля законоположения (если это не нормы, относящиеся к сфере исключительного конституционного регулирования); в) могут порождать *общесистемные, межотраслевые правовые эффекты на макроуровне правовой действительности*, связанные с комплексным преобразованием правового регулирования и правоприменительной практики. Тем самым акты конституционного правосудия как бы обеспечивают соединение собственно конституционно-правовых норм и норм отраслевого законодательства, создают нормативное единство, основанное на выявленной в процессе рассмотрения дела объективной взаимосвязи конституционных и отраслевых правоотношений. Они являются высшей непосредственной формой конкретизированного выражения конституционно-правовых атрибутов, формально-юридических и материальных критериев правового качества любых (всех) нормативных актов¹.

Практико-юридический и межотраслевой потенциал актов конституционного правосудия существенно усиливается характерным для них единством нормативных и доктринальных начал. При этом нормативность и доктринальность — не самостоятельные характеристики решений Конституционного Суда РФ, они существуют именно в единстве, что порождает новое, интегральное качество данного вида актов. Это означает, что, во-первых, нормативные начала решений Конституционного Суда РФ, обладая высокой степенью информационно-правовой насыщенности и обобщенности, способностью отражать высшие конституционные ценности, принципы и основные начала на основе баланса публичных и частных интересов, воплощая в себе сплав концептуальных научно-теоретических подходов с реальной юридической практикой и международно-правовой регламентацией, во многом приобретают признаки конституционной доктрины, имеющей межотраслевое значение. Во-вторых, заложенные в решениях Конституционного Суда РФ аксиологические подходы, идеи и принципы, сформулированные на основе Конституции и опосредующие отношение органа конституционного контроля к социально-экономическому, политическому, социокультурному содержанию и юридическому оформлению реальных общественных отношений, придают решениям Конституционного Суда РФ качества общеобязательности, нормативной доктринальности. Это соотносится с получившими юридическое признание в Федеральном конституционном

¹ См.: Джагарян А. А. Вмененная безупречность: решения Конституционного Суда Российской Федерации и правовое качество // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2 (99).

законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» характеристиками его решений, как то: общеобязательность (ст. 6); окончательность, вступление в силу после провозглашения и незамедлительное официальное опубликование, непосредственное действие (ст. 78, 79); недопустимость преодоления правовой позиции Конституционного Суда РФ законодателем (ст. 79); пересмотр в установленных случаях решений судов и иных органов, основанных на актах, признанных неконституционными (ст. 79, 100), и др.

Единство нормативности и доктринальности видит в своих решениях и сам Суд¹, что укладывается и в его более общие подходы. Имеется в виду, что получающие отражение в актах конституционного правосудия толкование и реализация Конституции предполагают необходимость учета, в частности, особенностей исторического развития России и конституционно значимых нравственных ценностей, определенных историческими, культурными и иными традициями многонационального российского народа². Одновременно решения Конституционного Суда РФ, содержащие итоговую оценку проверяемых норм, казуальное или абстрактное толкование конституционных или отраслевых положений, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение³.

Нормативно-доктринальные характеристики решений Конституционного Суда РФ получают дополнительное обоснование в востребованном инструментарии методологического плюрализма, основанном на сочетании позитивистских и естественно-правовых начал конституционного правопонимания, неразрывном единстве естественного и позитивного права на уровне всех основных характеристик современной системы конституционализма⁴. Признавая существование так называемых неформальных источников права, включая

¹ См., например, абз. 7 п. 4.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П; абз. 1 п. 2.2 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 6 марта 2008 г. № 214-О-П; абз. 4 п. 2.1 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 1 апреля 2008 г. № 194-О-П.

² См. абз. 1 п. 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 18-П; абз. 4–5 п. 2.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П.

³ См. абз. 1 п. 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П.

⁴ См.: *Бондарь Н. С. Философия российского конституционализма: в контексте теории и практики конституционного правосудия // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Московско-Петербургский философский клуб. М., 2010. С. 46–69; Эбзеев Б. С. Современный конституционализм как синтетическое единство естественного и позитивного права // Государство и право. 2015. № 12.*

прежде всего общие принципы права и правовые принципы, которые обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание конституционных и отраслевых прав, носят универсальный характер и оказывают регулирующее воздействие на все сферы отношений¹, в связи с чем конституционные нормы и отраслевые законоположения должны интерпретироваться посредством доктринально обоснованного восприятия буквы и духа Конституции и содержащихся в ней принципов, Суд вместе с тем не противопоставляет право и закон, а стремится к использованию всех доступных средств для обеспечения правового качества действующего закона, в том числе на основе доктрины «разумной конституционной сдержанности».

Юридическая природа решений Конституционного Суда РФ как источников права и нормативно-доктринального феномена коренным образом связана с получающими отражение в соответствующих решениях правовыми позициями. В конечном счете именно правовые позиции, с одной стороны, придают актам Конституционного Суда РФ юридические (нормативно-правовые) качества источников права, а с другой — определяют конституционно-доктринальную природу данного вида правовых источников. В правовой позиции Конституционного Суда РФ отражается суть, нормативно-доктринальная квинтэссенция принятого решения, однако источником права является не сама по себе правовая позиция, а решение, в котором она сформулирована.

К основным характеристикам правовых позиций Конституционного Суда РФ как весьма своеобразных носителей нормативно-доктринальных начал его решений относятся: а) высокий уровень идейно-концептуальной насыщенности, в связи с которой доктринально обосновывается подход к самому существу конкретной модели правового регулирования; б) юридическая обязательность, такая же юридическая сила, как и сила решений Конституционного Суда РФ²;

¹ См. постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1993 г. № 1-П; абз. 1 п. 6.2 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 633-О-П.

² Как установлено Судом, положения мотивировочной части его постановления, содержащие толкование конституционных норм либо выявляющие конституционный смысл закона, на которых основаны выводы Конституционного Суда РФ, сформулированные в резолютивной части этого же постановления, отражают правовую позицию Конституционного Суда РФ и также носят обязательный характер (абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 8 октября 1998 г. № 118-О). В развитие этих подходов в ряде решений Конституционного Суда РФ отмечается, что как законодатель, так и правоприменительные органы обязаны учитывать решения этого Суда и выраженные в них правовые позиции, в том числе содержащие конституционно-правовое истолкование тех или иных законоположений (например, постановления от 7 ноября 2012 г. № 24-П, от 18 сентября 2014 г. № 23-П). Юридически обяза-

в) итоговый обобщающий характер правовых позиций, раскрывающих в концентрированном виде внутренний смысл и логику решения Конституционного Суда РФ; г) их оценочная, аксиологическая природа, связанная с выражением в них отношения Конституционного Суда РФ к конкретной норме; д) универсальный характер правовых позиций, которые адресованы всем субъектам права применительно к соответствующим не индивидуализированным, а общим правовым явлениям и распространяются на все аналогичные случаи, имеющие место в судебной практике. Соответственно, под правовой позицией Конституционного Суда РФ следует понимать сформулированные в ходе конституционного правосудия нормативно-доктринальные выводы, установки и оценки по вопросам права, являющиеся концентрированным содержательно-смысловым выражением прямого действия Конституции, логически обосновывающие и характеризующие основную идею решения Конституционного Суда РФ, принятого по итогам рассмотрения конкретного дела.

В конкретном своем проявлении понимание решений Конституционного Суда РФ как нормативно-доктринальных конституционных источников правовой системы обеспечивается различными направлениями межотраслевого влияния на правовое развитие общества и государства.

В рамках выделения некоторых основных таких направлений можно обозначить, во-первых, *конституционно-интерпретационное обоснование нормативного содержания категорий и институтов действующего права*, введение в теорию и практику российской юриспруденции новых конституционных категорий и понятий, в результате чего происходит *наращивание (расширение) конституционно-правового смысла понятийно-категориального аппарата правовой системы*. Это, например, конституционное обоснование понятий «нормативный правовой акт»¹, «публичная власть» (которая может быть и муниципальной)², проявляться в виде общесоциального управления, обслу-

вающий характер для законодателя имеют и те правовые позиции Конституционного Суда РФ, в рамках которых в связи с выявленными в проверяемой норме дефектами конституционно-правового характера, могущими послужить предпосылкой для нарушения конституционно значимых ценностей, но еще не образующими в полной мере признаки неконституционности, Суд без признания соответствующей нормы неконституционной дал поручение законодателю устранить указанные недостатки (п. 5 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П).

¹ См. абз. 1 п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1997 г. № 17-П; абз. 2 п. 4.1 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П.

² См., например, постановления Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П, от 15 января 1998 г. № 3-П.

живания, помощи)¹), «собственность»², «конституционная ответственность»³, «конституционный правопорядок»⁴. Вместе с тем имеет место доктринальное конституционное обоснование отраслевых институтов и категорий, как то: «налог»⁵, «прожиточный минимум»⁶, «садовый земельный участок»⁷ и др.

Во-вторых, это *развитие лежащих в основе правовой системы общих, конституционных и иных принципов права, конституционализация отраслевых принципов правового регулирования*. Так, в решениях Конституционного Суда РФ обоснован принцип *правовой определенности* как требование ясности, непротиворечивости правового регулирования⁸. Он предполагает, в частности, обеспечение эффективных гарантий неприкосновенности собственности для поддержания стабильности гражданского оборота и высокого уровня доверия между его участниками⁹; установление ясных, четких правил привлечения к юридической ответственности¹⁰; четкое определение законом подсудности дел¹¹; признание законной силы судебных решений, их неопровержимости¹². Суд также сформулировал развернутые конституционные характеристики *принципа соразмерности (пропорциональности)* как критерия регулирования, в том числе ограничительного, прав и

¹ См. постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П.

² См., например, постановления Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П, от 16 мая 2000 г. № 8-П, от 16 июля 2008 г. № 9-П, от 10 декабря 2014 г. № 31-П.

³ См. постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1992 г. № 9-П.

⁴ См. постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П; определения Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О, от 5 ноября 2015 г. № 2664-О.

⁵ См., например, постановления Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П, от 12 октября 1998 г. № 24-П, от 14 июля 2005 г. № 9-П.

⁶ См. определение Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2005 г. № 17-О.

⁷ См., например, постановления Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2008 г. № 7-П, от 30 июня 2011 г. № 13-П.

⁸ См. п. 3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П; абз. 3 п. 2.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П; абз. 1 п. 3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 13 мая 2014 г. № 14-П.

⁹ См., например, абз. 5–7 п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 4 июня 2015 г. № 13-П.

¹⁰ См. п. 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 17 июня 2004 г. № 12-П; абз. 3–4 п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 22-П.

¹¹ См. п. 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2004 г. № 4-П; абз. 3–4 п. 2 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2015 г. № 2664-О.

¹² См. постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П; абз. 3 п. 3.1 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П.

свобод; он требует прежде всего юридической и социальной обоснованности принимаемых государственно-властных решений с точки зрения конституционных целей, учета возможных альтернативных способов достижения этих целей при меньшем уровне вмешательства в пространство свободы личности, использования насколько возможно гибких, дифференцированных правовых средств, позволяющих на практике принять во внимание юридически значимые характеристики многообразия жизненных ситуаций, в частности обеспечить индивидуализацию применения мер публичной ответственности¹. Значимым аспектом принципа соразмерности, выявленным Конституционным Судом РФ, является по общему правилу недопустимость возложения на гражданина, за которым по вине государственного органа ошибочно признано то или иное право, всей полноты неблагоприятных последствий, связанных с установлением такой ошибки, и необходимость обеспечения для него надлежащих гарантий защиты интересов с учетом характера допущенной ошибки, срока, прошедшего с момента приобретения права, значимости получения соответствующих благ для уровня жизни человека и т. п.²

Практикой конституционного правосудия был введен в национальный юридико-лексический оборот *принцип правовой безопасности*³; получил нормативное наполнение упомянутый в преамбуле Конституции *принцип справедливости* как имеющий универсальный характер и оказывающий регулирующее воздействие на трудовые⁴, пенсионные⁵, природоохранные⁶, юрисдикционные⁷ и иные отношения. Еще одним правовым принципом, получившим обоснование в конституционно-судебной практике, явился принцип *баланса частных и публичных интересов*, рассматриваемый, в частности, как имманентная характеристика свободной экономической деятельно-

¹ См., например, постановления Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П, от 16 июля 2007 г. № 11-П, от 28 января 2010 г. № 2-П, от 22 декабря 2015 г. № 34-П, от 19 января 2016 г. № 2-П.

² См. постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 1-П.

³ См. абз. 2 п. 2.1 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П, абз. 1 п. 4.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. № 6-П, абз. 1 п. 5 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 8 июня 2015 г. № 14-П.

⁴ См. абз. 1 п. 4.1 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П.

⁵ См. абз. 5—6 п. 3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2015 г. № 32-П.

⁶ См. абз. 4 п. 3.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П.

⁷ См. абз. 7 п. 6 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П; абз. 11 п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 8-П.

сти¹. В этом аспекте данный принцип предполагает в силу решений КС РФ согласование частной экономической инициативы с интересами других субъектов и общества в целом, включая наличие публично значимых услуг должного объема и качества, и одновременно связывает государство в выборе средств регулирующего воздействия на экономику и экономических субъектов.

Наконец, конституционно-судебная практика сформировала обширную нормативно-правовую основу для интерпретации принципа *верховенства права* как одной из фундаментальных характеристик конституционно-правового статуса Российской Федерации², вследствие чего все прочие конституционные и иные правовые принципы находятся с ним в субординационных связях, производны от верховенства права.

Нормативно-доктринальные начала конституционно-судебного воздействия на правовую систему проявляются и через выявление конституционного содержания в конкретных институтах отраслевого законодательства, конституционном обосновании самих основ отраслевого регулирования. Так, нынешнее содержание ст. 4.1 КоАП РФ является во многом юридическим признанием основных начал индивидуализации административного наказания, выведенных Конституционным Судом РФ³.

В-третьих, важным направлением воздействия актов конституционного правосудия на развитие правовой системы является *преодоление конституционных пробелов, коллизий в правовом регулировании*. Хотя само по себе наличие пробела в законе не образует основания допустимости обращения в Конституционный Суд РФ⁴ (имеется в виду, в частности, что восполнение пробелов в правовом регулировании является прерогативой законодателя⁵), вместе с тем в том случае, если вследствие пробела в законе возникает непреодолимое с помощью ординарных юрисдикционных средств его противоречивое толкование и применение, ставящее под сомнение соблюдение принципа равноправия, или же, напротив, складывается единообразное понимание закона, при котором его применение влечет возложение необоснованных обременений или лишает возможности воспользоваться определенными гарантиями, в том числе финансовыми, не позволяет реали-

¹ См. абз. 1—2 п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П; абз. 3 п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 29-П.

² См. постановления Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П, от 2 марта 2010 г. № 5-П.

³ См. постановления Конституционного Суда РФ от 17 января 2013 г. № 1-П, от 25 февраля 2014 г. № 4-П.

⁴ См. определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 1996 г. № 94-О.

⁵ См. определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2005 г. № 127-О.

зовать те или иные конституционные права, соответствующий вопрос приобретает конституционный характер и может быть решен посредством конституционной юрисдикции¹. Конституционный Суд РФ выработал также правовые позиции, определяющие сам порядок, способы преодоления пробельности в процессе правоприменительной деятельности. Как следует из конституционно-судебных установлений, устранение противоречивой пробельности может обеспечиваться путем: а) прямого применения норм Конституции РФ²; б) прямого применения норм международно-правовых актов³; в) толкования и применения общих отраслевых положений⁴; г) использования аналогии⁵; д) принятия высшей судебной инстанцией разъяснительных актов⁶; е) путем «указного» нормотворчества⁷.

Пробелы в правовом регулировании тесно связаны с проблемой конституционно-дефектной коллизионности норм с учетом того, что возникновение нормативной несогласованности может приводить к неопределенности в вопросе о правовой организации формально подпадающих под действие различных норм отношений, последствия которой (неопределенности) в отдельных случаях сравнимы по своему характеру с отсутствием правовой регламентации как таковой (например, коллизионирующие нормы — взаимно блокирующие). Разумеется, не всякая пробельность может рассматриваться как проявление конституционно-дефектных коллизий (например, так называемое квалифицированное умолчание законодателя). Посредством актов конституционно-судебного контроля с использованием инструментария, в целом аналогичного тому, что востребован при преодолении пробелов в правовом регулировании, обеспечивается снятие различных форм проявления конституционной коллизионности, включая ценностные, иерархические, межотраслевые, темпоральные

¹ См., например, постановления Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2005 г. № 10-П, от 2 марта 2010 г. № 5-П, от 6 декабря 2011 г. № 27-П, от 31 марта 2015 г. № 6-П.

² См., например, абз. 4—5 п. 6 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П; абз. 6 п. 3 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 18 сентября 2014 г. № 1828-О.

³ См. абз. 2 п. 3 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 6 марта 2001 г. № 79-О.

⁴ См. абз. 2 п. 5 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 3 июля 2008 г. № 734-О-П.

⁵ См., например, абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 815-О-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2008 г. № 124-О-О; абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 27 октября 2015 г. № 2471-О.

⁶ См. абз. 1 п. 3.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. № 5-П.

⁷ См. абз. 1 п. 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П.

и т. п. Основополагающими ориентирами для разрешения возникающих коллизий в любом случае являются требования приоритетности прав и свобод человека и гражданина¹, а также недопустимости предоставления защиты одним правам в нарушение других, равноценных по своему конституционному значению².

Что же касается самих по себе характеристик решений Конституционного Суда РФ как источника практической юриспруденции, то их концентрированным выражением является понимание конституционно-судебных актов нормоконтроля — особенно в условиях романо-германской (европейской) правовой семьи — как важного и весьма эффективного инструмента обеспечения единообразия толковательной и правоприменительной практики. Речь идет как об общем влиянии принципа правовой определенности на отраслевые нормы материального и процессуального права, так и о конституционализации с помощью решений Конституционного Суда РФ процессуальных институтов, специально предназначенных поддерживать единообразное понимание применяемого судами права³. Относительно самостоятельным является также направление конституционно-судебного гарантирования принципа правовой определенности при проверке конституционности нормативных актов в смысле, придаваемом им правоприменительной практикой.

Особой ролью Конституционного Суда РФ в формировании и функционировании правовой системы, вытекающей из его исключительного полномочия по проверке соответствия Конституции правовых актов, предопределяется необходимость неукоснительного исполнения актов конституционного правосудия как «императива правового государства, в котором любые споры разрешаются правовыми средствами»⁴. При этом важно учитывать все *многообразие юридических последствий принятия решений Судом как воплощения прямого действия Конституции и источника практической юриспруденции*. Это не только утрата правовыми актами (нормами), признанными неконституционными, юридической силы, но также: прекращение действия аналогичных актов, непосредственно не входивших в предмет конституционно-судебного контроля; интерпретационное выявление конституционно-правового смысла проверяемой нормы; казуальное тол-

¹ См. абз. 1 п. 3.4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2015 г. № 29-П.

² См. абз. 3 п. 2.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П; абз. 4 п. 2.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 15-П.

³ См. постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П.

⁴ См. абз. 3 п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2012 г. № 25-П.

кование Конституции; корректировка судебной и иной правоприменительной практики, которой придается неконституционный смысл проверяемым нормам; конституционно-судебные рекомендации законодателю. Наконец, решения Конституционного Суда РФ представляют собой новые обстоятельства для пересмотра дел в судах общей и арбитражной юрисдикций (п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 3 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 350 КАС РФ)¹, что в особой степени подчеркивает значение актов конституционного правосудия в качестве источника практической юриспруденции. При этом для пересмотра дела, если иное прямо не вытекает из самого решения Конституционного Суда РФ, не требуется каких-либо дополнительных условий, включая внесение изменений в законодательство. Признание нормы неконституционной либо выявление конституционно-правового смысла нормы для преодоления ее неконституционной интерпретации является достаточным для юрисдикционного восстановления прав, нарушенных применением указанной нормы в конкретном деле. Попытки поставить исполнение решения Конституционного Суда РФ в зависимость от усмотрения иного органа, порой встречающиеся на практике², дискредитируют сам принцип прямого действия Конституции.

Конституционно-судебное обеспечение прямого действия Конституции РФ в соотношении с реализацией общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России. Анализ проблематики конституционно-судебного обеспечения прямого действия Конституции в современных условиях правовой глобализации (с характерными для нее противоречивыми процессами сближения и конкуренции правовых систем) и набирающих силу в разных странах (как своеобразная реакция на определенным образом понимаемый глобализм) тенденций, связанных с конституционно-правовой суверенизацией, отстаиванием национально-правовых ценностей, традиций, институтов, предполагает необходимость осмысления взаимосвязей конституционно-судебной, а также иной юрисдикционной практики в Российской Федерации с реализацией общепризнанных принципов международного права и международно-правовых норм. Речь идет о выявлении и обосновании соотношения прямого действия Конституции с имплементацией наднационального права и об особенностях возникающих в рамках соответствующих процессов взаимоотношений национальных и наднациональных юрисдикционных институтов,

¹ См., например, определения Конституционного Суда РФ от 12 мая 2006 г. № 135-О, от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р, от 27 октября 2015 г. № 2416-О.

² См., например: Депутат не хочет вновь складывать мандат // Коммерсантъ. 2015. 5 июня; Законодательная власть игнорировала судебную // Там же. 29 июня; Депутатский мандат продолжают делить в судах // Там же. 11 дек.

прежде всего в свете реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе в интерпретации ЕСПЧ.

Судебным органам, безусловно, отводится важное место в имплементационном механизме, поскольку в рамках разделения властей они ответственны за реализацию принятых государством обязательств даже в тех случаях, когда другие ветви власти от этого уклоняются или же действуют ненадлежащим образом, а также способны восполнять дефицит властно-обеспечительных, контрольных средств реализации соответствующих обязательств, характерный для международного права. При этом как национальные юрисдикционные органы суды призваны находить баланс коллизионных ценностей и интересов, связанных с конституционным суверенитетом и уважением к международному праву. Следует отметить значительное повышение объема и качества участия судебных органов в правовой имплементации. Вместе с тем есть все основания для определенного разграничения функциональной роли судов различных юрисдикций в механизме имплементации европейских конвенционных требований. Так, суды общей юрисдикции и арбитражные суды ориентированы прежде всего на исполнение конкретных решений ЕСПЧ в рамках установленного механизма пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам (п. 4 ч. 2 ст. 311 АПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ), что, впрочем, не исключает с их стороны и возможностей более широкого участия¹. Несомненна, однако, особая роль в судебном механизме правовой имплементации европейских конвенционных требований конституционного правосудия, т. е. ранее отмеченные особенности его правовой природы, предполагающие активное вовлечение его в решение вопросов, связанных с принятием мер общего характера и, соответственно, имплементацией тех или иных норм названной Конвенции, в национальное законодательство².

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 5 марта 2013 г.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 2 дек.

² В качестве такого примера можно назвать постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2009 г. № 4-П; его особенностью было то, что ЕСПЧ еще до рассмотрения данного дела в Конституционном Суде РФ принял решение по жалобе того же заявителя (гражданина Штукатурова П. В.) и, удовлетворив ее, отметил в ряду мер общего характера необходимость совершенствования национального законодательства, приведения его в соответствие с конвенционными требованиями. Конституционный Суд РФ, в свою очередь, признал неконституционными обжалуемые нормы, связанные с возможностями судебной защиты прав недееспособных лиц, восприняв подходы ЕСПЧ, что в последующем получило законодательную реализацию. Тем самым решение Конституционного Суда РФ стало импульсом и важным элементом государственного механизма имплементации соответствующих международно-правовых стандартов, выработанных ЕСПЧ.

Немаловажно в аспекте поднятых вопросов и то, что сегодня наиболее остро проблемы соотношения международного и внутригосударственного права проявляются именно в тех случаях, когда проводником, интегратором международно-правовых норм в национальные правовые системы выступают не сами национальные государства, принявшие соответствующие обязательства, а наряду с ними и специализированные наднациональные юрисдикционно-контрольные органы, призванные обеспечивать соблюдение международного права.

Постановка проблемы конституционно-судебного обеспечения прямого действия Конституции в свете взаимосвязей национального и международного права и того влияния, которое последнее может оказывать на российскую практическую юриспруденцию, вытекает в формально-юридическом плане из ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, определяющей общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в качестве составной части ее правовой системы, а также предусматривающей для случаев установления международным договором Российской Федерации иных правил, чем предусмотренные законом, применение правил международного договора.

Эти нормативные положения в силу ст. 16 Конституции РФ относятся к основам российского конституционного строя и имеют, как и иные конституционные нормы, прямое действие и высшую юридическую силу на всей территории, обязывая равным образом и законодателя, и правоприменителя. При этом они получают содержательное развитие, более объемное институциональное наполнение в связи с установлениями Конституции о признании и гарантировании в Российской Федерации прав и свобод согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ (ч. 1 ст. 17); о недопустимости толкования перечисленных в Конституции основных прав и свобод как отрицания или умаления других общепризнанных прав и свобод (ч. 1 ст. 55); о признании права каждого обращаться в соответствии с международными договорами России в межгосударственные органы по защите прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст. 46); о возможностях России участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий (ст. 79).

На основе этих конституционных положений происходит проникновение наднациональных, в том числе европейских, правовых идей, ценностей, норм, институтов в пространство российской правовой системы, обеспечивается их определенное взаимодействие и вместе с тем открываются возможности для дополнительного гарантирования реализации национальных конституционных ценностей,

принципов, норм на основе прямого действия Конституции в режиме ее верховенства, поддерживаемого наднациональными юридическими механизмами. Из ч. 4 ст. 15 Конституции РФ во взаимосвязи с положениями ч. 1 той же статьи и ст. 16 следует, что прямое действие Конституции служит исходной нормативно-правовой основой для включения в российскую правовую систему наднациональных регуляторов, юрисдикционно-контрольных институтов, которые вместе с тем призваны обеспечивать — в силу фундаментального императива их принципиальной тождественности конституционному строю Российской Федерации — укрепление институциональных механизмов наиболее эффективной и полной реализации ценностно-нормативного потенциала Конституции РФ, усиление ее прямого действия.

Здесь важно обратить особое внимание на три момента, которые, к сожалению, учитываются далеко не всегда, что порождает представления о якобы неоднозначности, противоречивости конституционно-регулирующая в части соотношения Конституции с наднациональным правом. В действительности в Конституции этот вопрос решен исчерпывающим образом.

Во-первых, Конституция прямо и недвусмысленно утверждает свое верховенство на всей территории (ч. 2 ст. 4) и свою высшую юридическую силу перед любыми правовыми актами (ч. 1 ст. 15): ее учредительный, системообразующий характер несовместим с наличием в правовой системе каких-либо актов, превосходящих ее по силе.

Во-вторых, именно Конституция признает нормы наднационального права частью правовой системы России (ч. 4 ст. 15), т. е. статусные, функционально-целевые, иерархические и иные характеристики, касающиеся их места и роли в правовой системе, производны от Конституции.

В-третьих, содержащееся в ч. 4 ст. 15 Конституции коллизийное регулирование, связанное с возможной несогласованностью и расхождением внутригосударственных и международно-правовых источников, со всей определенностью предполагает, что нормы наднационального права: а) обладают именно и только правоприменительным коллизийным приоритетом и этим не ставится под сомнение действительность, юридическая сила соответствующих внутригосударственных норм; б) подлежат применению в случае возникновения коллизии с нормативными положениями актов ниже уровня Конституции.

В русле этих отправных подходов конституционно-методологического плана и должен вестись поиск оптимальных механизмов взаимоотношений национального и наднационального, включая европейский, правопорядков, эффективных путей преодоления противоре-

чий. Вполне оправданно исходить из того, что успешность самих процессов укрепления правового сотрудничества в современной Европе и формирования европейского конституционализма, в рамках которого Конвенция о защите прав человека и основных свобод служит своего рода воплощением прямого действия верховенства права, во многом обусловливается учетом социокультурного многообразия, лежащего в основе и определяющего богатство собственно европейской традиции права, в связи с чем и движение к европейскому конституционализму призвано, вероятно, отразить не бескомпромиссную правовую универсализацию и стандартизацию (по декларируемому принципу «никаких “если”, никаких “но”, никакой зависимости от культурных особенностей»¹), а прежде всего национально-конституционную интеграцию государственно-правовых систем Европы через их взаимообогащение при сохранении юридического суверенитета правовых систем.

В связи с имплементацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод важным является вопрос о самой природе, месте и роли Конвенции в национальных правовых системах. Не касаясь детального анализа природы этого документа как международного договора особого рода, следует признать, что Конвенция, без сомнения, регулирует общие для европейских стран — членов Совета Европы вопросы конституционного значения. Этот факт сам по себе, независимо от особенностей национальных конституционных систем с точки зрения их отношения к общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам, можно квалифицировать как своего рода *квазиконституционный акт*. Вместе с тем в этом качестве Конвенция не может рассматриваться как составная часть национальной конституционной системы, по крайней мере, до тех пор, пока сама конституционная система государства (например, в Австрии) не признает за ней такое значение. Но не менее важен и другой аспект: даже для тех стран, которые не придают приоритетного значения Конвенции в соотношении с национальными законами (например, Венгрия²), очевидным является конституционное значение этого акта прежде всего с точки зрения закономерно-стей формирования общеевропейского конституционного пространства.

¹ См.: Конвенция по правам человека под угрозой. Выступление Генерального секретаря Совета Европы Т. Ягланда на заседании ПАСЕ (Страсбург, 26 января 2016 г.). URL: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2016/01/26/7043923>.

² В этом плане уместно обратиться к материалу, содержащемуся в статье судьи Конституционного суда Венгрии: *Брагьов А.* Право толкования: конституционные суды и Конвенция о защите прав человека и основных свобод (на примере Венгрии) // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 83—95.

Вместе с тем это не означает, что нормативные положения Конвенции, имеющие подвижное, динамичное содержание в свете прецедентной практики ЕСПЧ, не требуют своей имплементации в увязке с обеспечением прямого действия Конституции РФ. Последовательно признавая как доктринально-методологическую, так и собственно юридическую ценность решений ЕСПЧ (для правоприменительной и для нормотворческой имплементационной практики), Конституционный Суд РФ исходит из *принципиального тождества юридической природы конституционных и наднациональных конвенционных прав*. Пожалуй, впервые национальный орган конституционного правосудия Европы (в лице Конституционного Суда РФ) сделал столь определенный вывод относительно юридической природы конвенционных прав и свобод: «...права и свободы человека и гражданина, признанные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, — это те же по своему существу права и свободы, что закреплены в Конституции Российской Федерации»¹. Вследствие принципиального содержания единства европейских конвенционных и конституционных прав сама постановка вопроса о приоритете конвенционных требований перед конституционными является некорректной. Конвенция защищает права не в абстрактном смысле, а в определенном их понимании, которое, являясь тождественным сложившимся представлениям на уровне национальных конституционных правовых порядков стран — участниц Конвенции, было воспринято и зафиксировано в рамках общеевропейского консенсуса, базирующегося на признании и уважении суверенного равенства государств. Конвенционный механизм является субсидиарным развитием национально-конституционных средств обеспечения прав и свобод, и в итоге речь должна идти о поиске оптимальных в конкретном социально-государственном контексте условий, форм их сбалансированной реализации².

Российская Федерация признала *ipso facto* и без специального приглашения юрисдикцию ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих до-

¹ См. абз. 2 п. 3.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П.

² Характерно, что сам ЕСПЧ в ряде случаев прямо указывает на необходимость отнесения применимого к делу правового подхода с социальной, культурной, политической средой, историческими и иными традициями государства. См., например, § 103 постановления ЕСПЧ от 16 марта 2006 г. по делу «Жданок (Zdanoka) против Латвии» (жалоба № 58278/00); § 68 постановления ЕСПЧ от 18 марта 2011 г. по делу «Лаутси и другие (Lautsi and others) против Италии» (жалоба № 30814/06); § 158 постановления ЕСПЧ от 9 октября 2014 г. по делу «Лисейцева и Маслов (Liseytseva and Maslov) против Российской Федерации» (жалобы № 39483/05 и 40527/10).

говорных актов¹. Но из этого вытекает обязательность для нее не всех решений ЕСПЧ, а лишь его практики, сформированной в связи с предполагаемыми нарушениями Российской Федерацией своих конвенционных обязательств. Решения, вынесенные в отношении иных государств, могут связывать Российскую Федерацию лишь в части официальной интерпретации Конвенции.

Спецификой правовой природы ЕСПЧ, сочетающего юрисдикционно-контрольную (правоприменительную) и интерпретационную функции, определяется и двойственное качество его решений в составе правовой системы Российской Федерации. Во-первых, решения ЕСПЧ служат *актами казуального решения споров* о соответствии решений и действий (бездействия) российских властей Конвенции и в этом аспекте имеют предметные и субъектные пределы действия с обратной силой в случае установления конвенционного нарушения. По общему правилу они распространяются на судебные акты, вынесенные по конкретному делу и в отношении конкретного заявителя, что, впрочем, не исключает их распространения и на иных находящихся в аналогичном с заявителем положении граждан, являющихся участниками тех же конкретных правоотношений (например, соистцы по делу, применительно к которому ЕСПЧ констатировал нарушение Конвенции)². При этом не предполагается обязанность судов безусловно удовлетворять соответствующие заявления — вопрос о возможности пересмотра окончательных судебных постановлений разрешается судом в конкретном деле исходя из его фактических обстоятельств³.

Во-вторых, значение для российской правовой системы решений ЕСПЧ состоит в том, что как *акты официального, нормативно значимого толкования Конвенции* они связывают содержащейся в них интерпретацией конвенционных прав и свобод российские власти относительно к тому, сформулирована ли эта интерпретация в деле в отношении Российской Федерации или же иного государства.

Все это позволяет судебным органам, включая Конституционный Суд РФ, активно обращаться к прецедентной практике европейского конвенционного контроля, в том числе для целей адекватного выявления смысла подлежащих применению нормативных положений, разрешения нормативных коллизий и восполнения пробелов в законодательстве, усиления правовой аргументации.

¹ См.: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» (ст. 1) // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

² См., например, определения Конституционного Суда РФ от 7 июня 2011 г. № 853-О-О, от 4 апреля 2013 г. № 504-О, от 22 апреля 2014 г. № 919-О.

³ См. определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2013 г. № 2118-О.

Конвенционно-интерпретационный аспект правового статуса ЕСПЧ по правам человека в сочетании с устоявшимся правовым обыкновением, предполагающим необходимость принятия национальными властями в связи с установленным ЕСПЧ нарушением Конвенции мер как индивидуального характера по исполнению решения ЕСПЧ, так и общего характера, направленных на недопущение возможного повторения подобных нарушений в будущем, может создавать ложное ощущение близости (или даже аналогичности) правового эффекта, порождаемого конвенционно-контрольными актами, с правовыми последствиями актов конституционно-судебного нормоконтроля. Хотя добросовестное следование принципу *rastra sunt servanda* обязывает национальные власти принять все возможные и зависящие от них меры по исполнению решения, установившего нарушение Конвенции, это вовсе не означает, что такое решение ЕСПЧ может рассматриваться в качестве юридического факта, с которым связаны действие или, тем более, действительность той или иной нормы национального права. При этом в принципе не имеет значения, насколько далеко ЕСПЧ посчитал возможным зайти в своих критических оценках в отношении предпосылок и условий, приведших к нарушению Конвенции, включая дискреционное формулирование абстрактных позиций применительно к существующим, по мнению ЕСПЧ, национально-нормативным факторам. ЕСПЧ неоднократно отмечал, что он не рассматривает отвлеченно совместимость соответствующих положений законодательства и практики с Конвенцией, решая только вопрос о том, привело ли применение тех или иных правил в рассматриваемом деле к нарушению Конвенции¹.

Реальность же такова, что в конкретных случаях ЕСПЧ не исключает для себя возможности давать оценку нормам национального права, включая даже конституционные нормы, коль скоро, как он полагает, те или иные нормативные акты (законоположения) определяют нерелевантное Конвенции правоприменение². Несмотря на то что

¹ См., например, § 39 постановления ЕСПЧ от 21 февраля 1975 г. по делу «Голдер (Golder) против Соединенного Королевства» (жалоба № 4451/70); § 60 постановления ЕСПЧ от 25 марта 1999 г. по делу «Николова (Nikolova) против Болгарии» (жалоба № 31195/96); § 101 постановления ЕСПЧ от 8 ноября 2011 г. по делу «Якубов (Yakubov) против Российской Федерации» (жалоба № 7265/10).

² Так, в одном из постановлений ЕСПЧ установил, что государства-участники призваны соблюдать Конвенцию в отношении их юрисдикции в целом, которая часто осуществляется в первую очередь за счет конституции, и поэтому то обстоятельство, что ограничения, возложенные на заявителей, проистекают непосредственно из конституции, не может служить препятствием для рассмотрения дела Европейским Судом, призванным решить, как соответствующие конституционные нормы отразились на правах заявителей. См. § 48—52 постановления ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалобы № 11157/04 и 15162/05).

подобная трактовка компетенционных возможностей ЕСПЧ может находить инициативную поддержку на уровне отдельных стран-участниц, в том числе с учетом национальных особенностей конституционного соотношения внутригосударственного и международного права, ЕСПЧ не обладает, по замыслу Конвенции, нормоконтрольными полномочиями, и подобная его функция не легитимирована согласованной волей стран-участниц. Позиция России в этом вопросе в концентрированном виде получила отражение в одном из решений Конституционного Суда РФ: к компетенции ЕСПЧ как субсидиарного по своему характеру межгосударственного судебного органа по разрешению конкретных дел не относится осуществление нормоконтроля, т. е. проверка внутригосударственного законодательства на предмет его соответствия Конвенции¹.

Как бы то ни было, расширение взаимодействия национальной правовой системы с источниками наднационального права, все более активное проникновение в нее прецедентных актов европейской конвенционной юрисдикции естественным образом связаны с возникновением различного рода возможных конфликтов, коллизий, противоречий, которые могут приобретать наиболее острый, принципиальный характер в случае расхождения во мнениях ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ применительно к обстоятельствам одного и того же (или аналогичного) дела.

Впервые такая ситуация возникла в связи с делом Константина Маркина. В рамках этого дела ЕСПЧ в отличие от Конституционного Суда РФ² (и после Конституционного Суда РФ) признал дискриминацией отсутствие у мужчин-военнослужащих возможности воспользоваться отпуском по уходу за ребенком³. Подобная коллизионность служит в своей основе естественным рефлекторным отражением объективных различий ценностных начал конвенционной и национальной конституционной юрисдикций, многообразия национальных судебных доктрин, и поэтому ее спекулятивные оценки в духе конфронтационного подхода неприемлемы, а следует взять за основу достижение компромисса, баланса интересов и ценностей⁴.

¹ См. абз. 3 п. 1.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П.

² См. определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О.

³ См. постановления ЕСПЧ от 7 октября 2010 г. и от 22 марта 2012 г. по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06).

⁴ Нельзя не согласиться, что негативный фон, сложившийся в международных отношениях применительно к России, вовсе не обуславливает саму постановку вопроса о месте решений ЕСПЧ в правовой системе России и порядке их реализации, поскольку этот вопрос не чисто российский и не порожден исключительно желанием России дос-

Коллизии между национальной и наднациональными юрисдикциями имеют по своей сути конституционный характер, и в основе их устранения должно лежать требование обеспечения безусловного верховенства и прямого действия Конституции. Именно из этих концептуальных позиций исходил Конституционный Суд РФ при оценке конституционности ряда законоположений, на основании которых подлежит разрешению вопрос об исполнении вынесенного по жалобе против России постановления ЕСПЧ, возлагающего на государство обязательства, реализация которых не согласуется с Конституцией РФ¹.

Согласно выраженным Конституционным Судом РФ правовым позициям из Конституции РФ следует, что ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ (абз. 2 п. 2.2 мотивировочной части постановления).

В связи с этим в п. 5.3 мотивировочной части рассматриваемого постановления Суд установил, что если действия и решения, которые требуются для исполнения постановления ЕСПЧ, могут привести к нарушению положений Конституции РФ, встает вопрос о действительном смысле этих положений в контексте возникшего противоречия и международных обязательств России, и данный вопрос по своей юридической природе подлежит разрешению в порядке конституционного судопроизводства.

В настоящее время сформулированные Конституционным Судом РФ подходы к реализации в российской правовой системе решений ЕСПЧ не только получили законодательное закрепление, но и были универсализированы путем распространения на все другие межгосударственные органы по защите прав человека².

В то же время следует акцентировать внимание на том, что, отстаивая безусловный приоритет Конституции, Суд явным образом заявил о стремлении к поиску наиболее сбалансированных решений

тошно ответить на принятые в отношении ее негативные меры. См.: *Маврин С. П.* Решение Европейского Суда по правам человека в правовой системе России // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 6. С. 1.

¹ См. постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П.

² См.: Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2015. № 51. Ч. 1. Ст. 7229.

в рамках международного правового сотрудничества. Как прямо отмечено в абз. 5 п. 6 мотивировочной части названного постановления, если Конституция не позволяет согласиться с отдельным постановлением ЕСПЧ, Конституционный Суд РФ обязан отразить это несогласие в своем решении, вместе с тем признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой является постановление ЕСПЧ. Конституционный Суд РФ «готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, но определение степени своей готовности он оставляет за собой, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция РФ».

Таким образом, обеспечение прямого действия и верховенства Конституции РФ предполагает ориентацию на использование всех доступных средств гармонизированного с Конституцией исполнения актов наднациональной юрисдикции и лишь в исключительных случаях, отражающих фундаментальную несогласованность вытекающих из решения наднационального юрисдикционного органа мер индивидуального или общего характера с конституционным строем России, такие меры не могут получать легитимную поддержку и находить применение в национальной правовой системе, что в любом случае не может преграждать путь развитию диалога, в том числе на международном уровне, для поиска взаимоприемлемых конструктивных решений. Роль Конституционного Суда РФ в этом процессе отражает его общую ведущую позицию в институциональном механизме поддержания стандартов конституционности во всей национальной системе практической юриспруденции, включая судебную практику.

Глава 8. Влияние правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на судебную практику

А. В. Габов

В предыдущей главе содержится общий анализ роли конституционного правосудия в обеспечении прямого действия Конституции РФ. В последующих главах авторы рассматривают судебную практику по применению норм отраслевого законодательства, выходящую на конституционный уровень. При этом основное внимание уделяется разрешению споров в судах общей юрисдикции. Между тем правовую основу деятельности судов во всех случаях образуют не только нормы Конституции РФ и законов Российской Федерации, но и правовые позиции Конституционного Суда РФ. Отсюда возникает